

Содержание

- 1 Егор Соколов. Философия передовиц. Мераб Мамардашвили как советский философ

СЛОВА

- 23 Павел Арсеньев. Коллапс руки: производственные травмы письма и инструментальная метафора метода
- 59 Алла Горбунова. Поэзия, опыт и знание
- 83 Олег Восковойников. Ангелы и усиархи: поэтическая космология Бернарда Сильвестра
- 115 Алексей Апполонов. «Спекулятивная грамматика» Фомы Эрфуртского и современность: случай семиотики Чарльза Пирса
- 129 Сергей Кочеров. Гамлет Шекспира и Амлет Саксона
Грамматика как «двойники-близнецы»
- 153 Ксения Романенко. Ностальгия и самоирония:
литературный культ Джейн Остен через фигуру ее фаната
- 173 Алина Волынская. Модернизм как советский антиканон:
литературные дебаты 1960–1970-х годов

КАМНИ

- 203 Степан Ванеян. Камни памяти: монумент, документ, крипта, бункер
- 237 Елена Карпенко. «Натурализация» монумента: практика освоения советского наследия в парке Груто (Литва)
- 257 Вера Котелевская. Дом Витгенштейна — Бернхарда: хождение туда и обратно

Философия передовиц. Мераб Мамардашвили как советский философ

Егор Соколов

Специалист по учебно-методической работе, кафедра истории и теории мировой культуры, философский факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4. E-mail: sokolovgeorg@gmail.com.

Ключевые слова: Мераб Мамардашвили; передовицы; история советской философии; марксизм; социология философии; социологический анализ Пьера Бурдьё; академическая политика; советский академический контракт.

В статье рассматриваются анонимные передовицы «Вопросов философии», соавтором которых был Мераб Мамардашвили. Предпринимается попытка пересмотреть связь «идеологии» и «философии», увидеть в советском академическом дискурсе не монолит официоза, а пространство борьбы. Случай Мамардашвили отлично подходит для того, чтобы поставить эти патентованные дихотомии под вопрос. С одной стороны, он часто воспринимается как эталонная фигура, находящаяся в самом центре автономного субполя. С другой стороны, многолетняя работа в редакции «Вопросов философии», не дававшей упасть знамени марксизма, означает практическое усвоение и использование советской ортодоксии. Передовицы рассматриваются как инструмент, использующийся одновременно для ритуального выражения лояльности, артикуляции корпоративного интереса и повышения ставок профессиональной игры.

Философские идеи «раннего» Мамардашвили (1958–1970) анализируются в связи с его профессиональной траекторией и конститутивными

для советского философского поля контроверзами. Особое внимание уделяется дискуссиям о статусе историко-философского знания. Профессионализация советской философии понимается не только как «деполитизация», но и как использование «официоза» для утверждения профессиональных стандартов: как технических (цитирование иностранных источников), так и стратегических. Речь идет, в частности, о «третьем пути», утверждении относительной независимости философии («и отрыв философии от политики, и беспредельная „политизация“ философии являются вредными крайностями»). Компромисс рассматривается не как нечто «вынужденное» или «внешнее», «не имеющее отношения к философии», но как стратегия, реализованная и в «высоком», «чистом», «философском», и в «низком», «грязном», «идеологическом» жанрах. Установочные и исследовательские тексты различаются стилистически и содержательно, однако обнаруживают схожую логику. Таким образом, новаторские усилия Мамардашвили оказываются согласованы с лицензированными в передовицах образцами.

ИЛОСОФИЯ Мераба Мамардашвили слишком часто описывается как нечто целое, как реализация проекта. Даже наиболее оригинальные способы концептуализации очерчивают контуры философской работы Мамардашвили одним жестом. Сергей Агафонов, например, предлагает понимать ее как своего рода трансцендентальную аналитику:

Что нужно, чтобы сработала способность подумать, или: в чем заранее нуждается мысль. Такова основная тема М. М., из которой он никогда нигде не выходит¹.

Диана Гаспарян утверждает, что «философия сознания» Мамардашвили строится на тезисе о невозможности объективации мышления, на отказе от редукции («к телу, языку или культурному опыту»²). Я не хочу (п)оказаться педантом, требующим всякий раз уточнять, что все это относится только к «позднему» Мамардашвили. Дело не только в том, что с историко-философской точки зрения «два Мамардашвили» лучше, чем «один». Проблема заключается в том, что говорить о философии Мамардашвили в целом — значит излишне доверять «позднему» Мамардашвили, его философии философии, развернутой в серии публицистических выступлений конца 1980-х годов³ и связанной с той позицией, которую он занимает в результате своей профессиональной траектории⁴. А игнорировать или задним числом вписывать статьи 1958–1970 годов в философский проект 1980-х⁵ — значит утверждать, что «один Мамардашвили» — это Мамардашвили не-

1. Агафонов С. Позиция Чужого в текстах М. Мамардашвили // Логос. 1994. Т. 9. № 4.
2. Гаспарян Д. Философия сознания Мераба Мамардашвили. М.: Канон+, 2013. С. 24.
3. См.: Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / Предисл. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990.
4. Соколов Е. Академическое сообщество: политика и границы. Случай Мераба Мамардашвили // Логос. 2014. Т. 24. № 2. С. 72–78.
5. См., напр.: Файбышенко В. История познания, или Познание как история // Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 265–270.

и даже антисоветский, значит использовать по умолчанию ту версию истории советской философии, которая строится на оппозициях: философия в Советском Союзе/советская философия, исследование/идеология, официальное/неофициальное сообщество и т. д. С моей точки зрения, использование этих схем, предполагающих «бинарное деление на эмансипаторное движение „снизу“ и жесткое партийное давление „сверху“»⁶, должно стать предметом, а не условием анализа⁷.

Случай Мамардашвили отлично подходит для того, чтобы поставить эти лицензированные дихотомии под вопрос. С одной стороны, он часто воспринимается как эталонная фигура, находящаяся в самом центре автономного субполя⁸. Вот как пишет об этом Нелли Мотрошилова:

Творчество Мамардашвили у ряда его западных почитателей и последователей воспринимается как единственный луч света в абсолютно темном царстве якобы монолитной и абсолютно сводимой к марксизму-ленинизму «советской философии». На деле... уже в 50–60-х годах XX века в нашей стране, в разных ее городах, возникло немалочисленное неофициальное философское сообщество, члены которого, так или иначе преодолевая, подобно Мамардашвили, идеологическое давление, вставали на путь профессионального философского исследования⁹.

С другой стороны, многолетняя работа в редакции «Вопросов философии», не дававшей упасть знамени марксизма, означает практическое усвоение и использование советской ортодоксии. (В 1957–1961 годах она позволяла Мамардашвили сразу по-

6. Бикбов А. Парадоксы императивной интернационализации, 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма, 1945–1953 гг. / Под ред. И. Баберовски, А. А. Дроздова. М.: РОССПЭН, 2015. С. 45–57.
7. Особенно если ее используют активные участники событий. Я попытался предложить такой анализ в рецензии на книгу Нелли Мотрошиловой «Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль» (2012): Соколов Е. Философия в списках // Логос. 2013. Т. 23. № 3. С. 200–207.
8. «Степень автономности поля производства культуры зависит от того, насколько внешний (гетерономный) принцип иерархизации подчинен внутреннему (автономному) принципу иерархизации» (Бурдьё П. Поле литературы // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2014. С. 372).
9. Мотрошилова Н. В. Предисловие // Мераб Константинович Мамардашвили / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 15.

сле окончания аспирантуры публиковаться в главном философском журнале; в 1968–1974 годах он занимал ключевую должность заместителя главного редактора.) Я бы хотел обратить внимание на анонимные передовые статьи, соавтором которых был Мераб Мамардашвили («Коммунизм и наука» (1959), «Великий триумф советской науки и техники» (1961), «Философия и политика» (1969)¹⁰). Это «идеологические» тексты, но, во-первых, они связаны с «философскими», а во-вторых, именно они позволяют увидеть в советском академическом дискурсе не монолит официоза, а пространство борьбы, увидеть за нюансировкой понятий профессиональные стратегии¹¹.

Императив творчества

Описания истории советской философии, подобные развернутым в сборниках «Философия не кончается»¹² и «Как это было»¹³, предполагают использование двух критериев для того, чтобы отделить «философию в Советском Союзе», переживающую с середины 1950-х «ренессанс», от «советской философии»: 1) она была не догматической, а творческой — «оригинальные работы», «новые концепции» и т. д.; 2) она была «первоначально связана с ориентацией на философский анализ мышления, познания, науки»¹⁴. Проблема этого различия, кажущегося сегодня едва ли не самоочевидным, в том, что оно является частью советской философской «догматики» и, более того, формой ее самоописания.

10. Атрибуция в: Библиография // Мераб Константинович Мамардашвили. С. 397–400.
11. Моя работа велась в рамках коллективного исследовательского проекта под научным руководством Александра Бикбова. Я благодарен постоянным участникам семинара за плодотворный интеллектуальный обмен: Вере Гусейновой, Марии Дубовик, Георгию Коновалову, Марии Меньшиковой, Амалии Пртавян. Книга Александра Бикбова была для меня образцом работы с советским дискурсивным порядком (Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014).
12. Философия не кончается: из истории отечественной философии. XX век. 1920–50-е годы: В 2 т. / Ред., сост., прим. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 1998.
13. Как это было. Воспоминания и размышления / Под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2010.
14. Лекторский В. А. От редактора // Как это было. С. 8–10.

1. Задача разработки теории науки ставится перед «всем научно-философским фронтом» на первой же странице первого номера «Вопросов философии» (1947):

Советские философы должны творчески обобщать открытия современного естествознания, следуя классическому образцу — ленинской книге «Материализм и эмпириокритицизм»¹⁵.

Это одна из трех важнейших задач наряду с «творческой разработкой вопросов о закономерностях развития нашего общества» и «наступлением на пережитки капитализма в сознании советских людей»¹⁶. И это вовсе не пустая риторическая фигура: статьи о физике, биологии и лингвистике занимают значительный объем первых номеров (например, в № 1 за 1948 год опубликована не только «Работа К. Маркса над вопросами естествознания», но и «Проблема вирусного белка в современной науке»).

2. Передовица выпуска № 1 за 1947 год, предваряющая 300-страничную стенограмму дискуссии по третьему тому «Истории западноевропейской философии» под редакцией Георгия Александрова, начинается со следующего утверждения:

Дискуссия... показала, насколько велика у нас потребность в живой, смелой, творческой разработке актуальных вопросов советской философии¹⁷.

Осуждая «грубые ошибки в оценке классической немецкой философии», советские философы (вслед за Андреем Ждановым) говорят о необходимости новаторской работы, творческих споров и творческой же разработки проблем марксистской философии.

15. От редакции // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 3.

16. Подробно задачи «философского фронта» изложены в передовице второго номера. Среди «основных разделов нашей философской работы» перечислены: «разработка теории современного естествознания», «анализ соотношения теории и практики; под этим углом зрения — обобщение истории техники, разработка вопроса о научном предвидении», «анализ процесса познания», «диалектическое обобщение истории познания», «разработка отдельных законов и категорий материалистической диалектики в их внутренней связи и на основе обобщения новейших данных естествознания», «разработка проблем марксистской теории познания», «разработка марксистской диалектической логики», «разработка проблемы единства марксистской теории познания и диалектической логики» (Наши задачи // Вопросы философии. 1947. № 2. С. 16).

17. От редакции // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 3.

Требование «критики и самокритики», отказ от начетничества, «смелая постановка новых вопросов марксистско-ленинской философии, творческая, подлинно научная их разработка» становятся повторяющимся императивом. Причем исходит он непосредственно от Сталина:

Товарищ Сталин решительно предостерегает работников идеологического фронта от малейшего догматизирования марксистско-ленинской теории¹⁸.

А в качестве эталона философской работы редколлегия «Вопросов философии» предлагает рассматривать Жданова:

В своем выступлении на философской дискуссии 1947 года тов. Жданов дал образец смелой, творческой постановки вопроса о противоречивом характере развития советского общества, о характере борьбы между старым и новым в нашей стране, о критике и самокритике как новой диалектической закономерности развития, присущей обществу, свободному от антагонистических противоречий¹⁹.

После разоблачения культа личности²⁰ императив творчества получает новое применение:

Необходимо серьезно и критически разобраться, в чем конкретно проявился культ личности в области философии, какой вред он нанес нашей работе²¹.

18. За творческую разработку марксистской философии // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 3.

19. Там же. С. 3–4.

20. Смерть Сталина еще не означает конец его влияния на философию. Шестой номер журнала за 1954 год посвящен 75-летию Сталина, «великого продолжателя дела Ленина, его верного ученика и соратника». Инерция постепенно ослабевает в 1955 году: в передовице второго выпуска имя Сталина не упоминается, хотя контекст, казалось бы, располагает — «победа марксистско-ленинской философии в борьбе против субъективно-идеалистических теорий», в том числе Н. Я. Марра, «разгром коммунистической партией правых и „левых“ капитулянтов» и т. д. (Великое ленинское философское наследие // Вопросы философии. 1955. № 2. С. 13). В передовице третьего номера Сталин упоминается вскользь (Повышать идейно-теоретический уровень исследований по истории философии // Вопросы философии. 1955. № 3. С. 4, 12).

21. XX съезд КПСС и вопросы идеологической работы // Вопросы философии. 1956. № 2. С. 14.

Критика культа личности в передовицах «Вопросов философии» относится не к сталинскому теоретизированию, а к «догматическому, цитатническому, бездумному» подходу и «абсолютизированию отдельных положений»²². Императив творчества оказывается, таким образом, инвариантной риторической фигурой, позволяющей проводить стратегические различия, делить философское поле надвое. Он используется (различным образом) во время дискуссий 1947 года, после XX съезда, после перестройки и до сегодняшнего дня. Каждый раз в «догматизме» обвиняют тех, кто ратовал за «творчество» на предыдущем витке. Понятно, что эти обвинения могут быть более или менее обоснованны. Проблема в том, что «занять сторону» — значит выбрать перспективу, сделать одновременно теоретический и политический жест. В рамках модели, противопоставляющей чистый философский разум бюрократической логике, некоторые смыслы и тактики оказываются неразличимы.

В истории советской философии парадоксальным образом неразличимым оказывается советское. «Советское» — это «кондовый истмат/диамат» и, с другой стороны, «необходимые компромиссы», «ритуальные цитаты», «неизбежная дань времени», «ошибки и промахи»²³ и т. д. «Советское» в форме «давления» или в форме «мимикрии» понимается как нечто внешнее по отношению к философии, тем более по отношению к философии Мамардашвили. Нелли Мотрошилова характеризует «феномен Мамардашвили» следующим образом:

... значение имело... только личностное служение Делу, философскому делу. <...> Дело же настолько не совпадало с окружающей социальной действительностью... с официозной, да и с половинчатой оппозиционной (частью самостоятельной, частью подконтрольной) философией, что для Мамардашвили выход был один — уйти во внутреннюю эмиграцию... <...> Конечно, чтобы жить и выживать, он вынужден был состоять на государственной службе. Но и здесь, не жертвуя достоинством, он сумел выгородить для себя поле свободы²⁴.

22. Разрабатывать теорию социалистического общества // Вопросы философии. 1956. № 3. С. 4, 5, 7.
23. Образец такого подхода: Мотрошилова Н. В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический Проект, 2012. С. 326–327.
24. Она же. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт. М.: Канон+, 2007. С. 177.

Итак, с одной стороны — Мамардашвили, сама жизнь которого представляет собой оригинальный философский проект, с другой — следы вынужденного компромисса в его текстах, «обрамление», в сущности не имеющее автора²⁵ и значения. Никакого «советского Мамардашвили».

Третий путь

Три типа текстов Мамардашвили — анонимные «передовые» и редакционные статьи, короткие рецензии, подписанные псевдонимом «М. К. Мерабов», и исследовательские работы, — конечно, отличаются стилистически и содержательно. Однако очевидна и их связь: от амбициозной и тщательной работы с гегелевским учением о познании (профессиональным центром тяжести, точкой приложения его интеллектуальных усилий в 1958–1970 годах, от первой статьи до докторской диссертации) через «критику буржуазной философии», через сухие реферативные рецензии к «официозным» передовицам. Мамардашвили все время находится в том тематическом континууме, который обозначался формулой «наука и общество». С одной стороны, он занимается анализом понятийного строя трудов Гегеля и Маркса²⁶, то есть проблематикой, обладающей двойной легитимностью, обеспечивающей ему двойное признание, как на гетерономном (официальном), так и на автономном (неформальном, «кружковом») полюсе философского сообщества. С другой стороны, используя «прикладные» результаты этой работы в критике Жан-Поля Сартра или славословии Юрию Гагарину, он стремится профессионализировать философскую работу в рамках существующих институций, правил и ритуалов.

Передовица «Коммунизм и наука» (№ 4 за 1959 год) утверждает значение науки: «Ни в одной общественной формации наука не играла и не может играть такой активной, революционной, преобразующей, творческой роли, как в коммунистическом обществе, строящемся под руководством Коммунистической пар-

25. «Предположим, он [автор] избежал бы употребления подобных терминов. Тогда это сделали бы за него бдительные редакторы и издатели» (Она же. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. С. 270).

26. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 14–25; Он же. Форма превращенная // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 264–266.

тии»²⁷. Однако рядом с тезисом об «интересе широких масс нашей страны к вопросу о роли и месте науки в различных общественных формациях» на следующих страницах появляется нечто любопытное: формат цитирования смещает регистр текста в сторону исследовательской статьи. В конце 1950-х годов авторы передовиц почти не нуждаются в ссылках (на 5–10 страниц приходится 3–4 ссылки). Мамардашвили и его соавторы не только выделяют из корпуса марксистско-ленинских текстов «Капитал» как источник, обладающий особым статусом (ссылки на этот труд выглядят как «К. Маркс, „Капитал“, т. 1, стр. 491», на другие работы Маркса — как «Соч., Т. 33, стр. 207»), но и рисуют картину механизации труда в капиталистических странах, ссылаясь на современные немецкие и французские источники²⁸. Следующий за этим рассказ о достижениях советской науки малоинтересен до тех пор, пока речь не заходит о философии. Здесь утверждается необходимость «дальнейшего укрепления ленинского союза философов-марксистов и естествоиспытателей»²⁹: первые должны заниматься «философскими проблемами естествознания», а вторые — получить философскую подготовку³⁰. В самом конце статьи перечисляются стоящие перед философами задачи: исследование «гносеологических основ исторического процесса дифференциации и интеграции естественных наук», «сложных социальных закономерностей развития науки» и др.³¹

В передовице «Великий триумф советской науки и техники» (№ 5 за 1961 год), посвященной полету Гагарина в космос, Мамардашвили и его соавторы снова используют иностранные источники (разумеется, преимущественно публицистические, ведь полет состоялся в апреле, а журнал вышел в мае). Но еще важнее, мне кажется, концептуальная рамка, в которую помещены рассуждения о превосходстве социалистической науки над капиталистической:

Если теперь, когда увенчался успехом первый космический рейд, бросить взгляд на его замечательную предысторию, то весь цикл

27. Коммунизм и наука // Вопросы философии. 1959. № 4. С. 3.

28. Там же. С. 4–5.

29. Там же. С. 13.

30. «Теперь каждый специалист наряду со знаниями, получаемыми им в процессе обучения в высшем учебном заведении по избранному профилю, овладевает и основами марксистско-ленинской философии. Это дает ему возможность сознательно и глубоко научно ориентироваться в основных мировоззренческих вопросах и, в частности, в тех из них, которые непосредственно связаны с его специальностью» (Там же. С. 14).

31. Там же. С. 15.

осуществленных Советским Союзом космических запусков предстанет как единая цепь событий, связанная строгой внутренней логикой, представляющих стороны и моменты в решении одной общей задачи³².

Речь идет не только о том, чтобы увидеть за этим успехом преимущества советской модели (в том числе превосходство диалектического материализма над «скепсисом» и «агностицизмом» буржуазной философии³³), то есть разглядеть за частным общее, но и о том, чтобы увидеть развитие науки и техники из высшей точки, из наиболее развитой (современной) формы. А это один из ключевых принципов «раннего Мамардашвили», диалектический взгляд на историю познания, без которого «история философии (как и вообще любой науки) превращается в эмпирическое описательство»³⁴. Фактически Мамардашвили лишь незначительно калибрует гегелевскую оптику (см. раздел «Историческое и логическое»)³⁵.

Еще одна передовица, «Философия и политика» (№ 3 за 1969 год), — очень любопытный документ. Сегодня кажется, что соединенные в нем утверждения относятся к разным эпохам: резкие выпады одновременно против объективизма и субъективизма, стилистически приближающиеся к образцам начала 1950-х годов, соседствуют с размеренной схоластикой (пост)советских учебников, со всеми этими «в широком смысле слова политика составляет целую сферу общественной жизни...» и «разрабатывая теоретические основы мировоззрения, философия воздействует на сознание людей»³⁶. Возможно, эта ритмическая неоднородность, эти стилистические перепады свидетельствуют о том, что в 1960-е годы тип идеологической виртуозности трансформировался (по аналогии с веберовскими «виртуозами веры»³⁷)? Я имею

32. Великий триумф советской науки и техники // Вопросы философии. 1961. № 5. С. 3.

33. Там же. С. 5.

34. Мамардашвили М. К. Некоторые вопросы исследования истории философии как истории познания // Вопросы философии. 1959. № 12. С. 60.

35. Он же. Формы и содержание мышления. С. 152–175. Конечно, он приписывает ее и Марксу. В «Некоторых вопросах исследования истории философии как истории познания» (1959), а затем в «Формах и содержании мышления» (1968) он цитирует марксовский афоризм «Анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны» (Он же. Некоторые вопросы исследования истории философии как истории познания. С. 60; Он же. Формы и содержание мышления. С. 155).

36. Философия и политика // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 4–6.

37. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избр. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 60–61.

в виду переход от «героических» коллизий (Марк Митин vs Абрам Деборин или Зиновий Белецкий vs Георгий Александров), в которых определялось содержание советского академического контракта (см. ниже), к нормализации академической карьеры «бюрократического типа»³⁸. Впечатление «утраты стиля», возможно, результат необходимости примирять полярные пропозиции в рамках все более сложного компромисса и находить такие оригинальные исследовательские решения, которые согласовывались бы с партийной ортодоксией.

Как бы то ни было, описание связи между философией и политикой оказывается здесь достаточно прямолинейной реализацией этой связи: отрабатывая политическую повестку (Китай, Чехословакия), авторы одновременно закрепляют успех своей профессиональной фракции в определении статуса философии. Критика «волюнтаризма» Мао Цзэдуна, «непосредственного отождествления философских конструкций с практической политикой» югославскими и чехословацкими философами используется как аргумент в дискуссии об автономии дисциплины, «мерами возгорающей и мерами угасающей» с 1947 года. Как известно, первоначально официальную поддержку получает позиция Белецкого³⁹. Контрарная ей позиция в советском философском пространстве была невозможна, она существовала только как объект критики; принцип партийности, по крайней мере номинально, разделяли все участники дискуссии. Однако с середины 1950-х годов «умеренные» берут реванш. В третьем номере «Вопросов философии» за 1955 год выходит передовица «Повышать идейно-теоретический уровень исследований по истории философии», в которой декларируется верность решениям 1947 года, но отмечается:

... указания классиков марксизма-ленинизма и решения Центрального Комитета партии по вопросам философии и ее истории, равно как и уроки философской дискуссии, недостаточно глубоко усвоены некоторыми нашими историками философии⁴⁰.

Белецкий обвиняется в «нигилизме» и «конъюнктурщине»⁴¹, доказывается и Александрову, слишком сильно качнувшемуся влево:

38. Бикбов А. Грамматика порядка. С. 378–393.

39. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 134–146.

40. Повышать идейно-теоретический уровень исследований по истории философии. С. 6.

41. Там же. С. 7.

А. А. Жданов справедливо упрекал автора за то, что почти о каждом западноевропейском философе домарксовской эпохи он стремится сказать доброе слово. Теперь же автор ухитрился о каждом из них сказать что-нибудь плохое. Он стал их ругать столь же огульно, как огульно расхваливал прежде⁴².

Со ссылкой на «классиков марксизма» провозглашается

...борьба против двух ошибочных тенденций в вопросе об отношении к наследию прошлого... как против нигилистического отношения ко всему созданному научной и общественной мыслью прошлого, так и против некритического перенесения идей и представлений прошлого в современную науку, против буржуазного объективизма, подменяющего ленинский принцип партийности в оценке философских теорий прошлого гнилым либерализмом⁴³.

На этом «третьем пути» и происходит профессионализация «шестидесятников», тех молодых выпускников философского факультета МГУ, которые сделали ставку не на административную (в комсомольских организациях или деканатах), а на интеллектуальную карьеру, на владение языками и знание текстов, на специализацию в логике, эпистемологии или истории философии. Они не могли бы утвердить свое профессиональное отличие без признания относительной автономии философии, без признания за ними права определять внутренние требования и практики научности этих дисциплин. На кону была сама возможность интеллектуальной карьеры — этим объясняется то внимание, которое Мамардашвили уделяет правилам историко-философской игры («Некоторые вопросы исследования истории философии как истории познания» (1959), «К проблеме метода истории философии» (1965) и др.). На протяжении всего рассматриваемого периода он выступает последовательным сторонником «третьего пути», настаивая:

...связь философии с политикой осуществляется не за счет потере филосогией своей специфики. И отрыв философии от политики, и беспредельная «политизация» философии, сопровождающаяся утратой ее специфики, являются теми вредными крайностями, с которыми нужно бороться⁴⁴.

42. Там же. С. 8.

43. Там же. С. 5.

44. Философия и политика. С. 10.

Табл. 1. Стратегии соединения «философского» и «политического» в советской философии

<u>Политическое/</u> <u>классовое</u>	<u>Политическое/</u> <u>классовое +</u> <u>историческое/</u> <u>философское</u>	<u>Историческое/</u> <u>философское</u>
Белецкий и его сторонники, Александров и авторы под его руководством (1953)	«Умеренные», «третий путь», Александров и авторы под его руководством (1943), «шестидесятники» (в том числе Мамардашвили)	Буржуазные философы (в том числе Карл Ясперс ⁴⁵ , Жан-Поль Сартр ⁴⁶)
Партийность (1947); нигилизм, субъективизм (с середины 1950-х)	Объективизм (с 1944); исторический материализм	Идеализм, объективизм
Конкретное	Диалектика конкретного/ абстрактного	Абстрактное

Источник: составлено автором.

Несомненно, и анонимные передовые, и исследовательские статьи Мамардашвили испещрены знаками компромиссов, но это не только и не «просто» вынужденные, навязанные компромиссы, не нечто «внешнее» и «не имеющее отношения к философии». В конце концов, диалектика + материализм, или, точнее, сформирова-

45. См.: Мамардашвили М. К. К проблеме метода истории философии // Вопросы философии. 1965. № 6. С. 93–103.

46. «Результат такой «очной ставки» экзистенциализма с историческим материализмом получился весьма своеобразный: знакомые и доступные эмпирическому наблюдению общественные отношения и явления приобрели здесь какое-то особое спекулятивно-метафизическое измерение, в котором их уже не узнать, ибо они движутся по научно не достоверяемым законам, а приводимые Сартром конкретные примеры странным образом затемняют как раз то, что они должны были бы разъяснять. Сочетание этих двух разнородных планов рассмотрения настолько разрушительно повлияло на стиль и способ изложения, что книгу Сартра [«Критику диалектического разума»] почти невозможно читать, не испытывая сильной головной боли» (Он же. Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра // Он же. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 249–294).

рованная гегелевскими штудиями оптика, диалектический взгляд на историю познания + «третий путь» (то есть сочетание экстерналистского и интерналистского подходов, социально-исторического объяснения и концептуального анализа) — это формула «Классической и современной буржуазной философии» (1970)⁴⁷, «тройственной статьи», завершающей этот период философской работы Мамардашвили⁴⁸. Одна и та же логика реализована в «высоком», «чистом», «философском» и «низком», «грязном», «идеологическом» жанрах. Я полагаю, что различия между этими текстами стоит мыслить не как переключение тумблера (вкл./выкл. философию), а, скорее, как серию переходов, как усложнение и уточнение, как сублимацию и эвфемизацию (в смысле Бурдьё⁴⁹).

Примером такой эвфемизации может служить сдвиг смысла от «политического» к «логическому».

1. Схематика передовых статей очень проста, позиционные различия выражены совершенно недвусмысленно:

... последовательная партийность, принципиальность, бескомпромиссность в идеологической борьбе, но проводимая умно, с учетом специфики критикуемого явления, не впадающая в вульгарность и примитивизм⁵⁰.

47. «Нам представляется, что эволюцию, смещения и изменения способов философствования... можно как-то единообразно очертить с точки зрения весьма радикального изменения в положении интеллигенции в механизме духовного производства... <...> За этими выразительными кристаллизациями и стилистикой мысли стоит прежде всего один важный механизм, всегда данный в духовном производстве (и различный для различных эпох), прослеживаемом действия которого можно воспользоваться как для решения подобной задачи [выявления в буржуазной философии „некоторых свойств первичного духовного материала, из которого строятся философские учения“], так и в качестве „смотрового окошечка“ всей эволюции. <...> Это своего рода исторический формализм сознания, который представляет внутреннее строение интеллектуального труда, механизм духовного производства на уровне функционирующего (феноменологического) сознания мыслителя, являясь в то же время продуктивным моментом познающего сознания, стиле- и формообразующим фактором его содержаний, одной из содержательно-структурирующих его сил» (*Мамардашвили М. К. и др.* Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 24–25).

48. См. также свидетельство Эриха Соловьева о подготовке статьи в: *Луцаев Ю. В.* Об одной попытке «спасти Просвещение» («Статья трех авторов» в свете современной ситуации) // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 117–130.

49. *Бурдьё П.* Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003. С. 18, 127–130.

50. Философия и политика. С. 11.

Иначе говоря, наука (философия) и политика существуют нераздельно и неслиянно. Здесь формулируется, таким образом, советский академический контракт 1950–1980-х годов: лояльность в обмен на (частичную) автономию, на поддержку в споре с академическими монофизитами.

2. В методологических статьях «политическое» становится «социальным» или «классовым». В «Некоторых вопросах исследования истории философии как истории познания» (1959) Мамардашвили настаивает, что необходимо, с одной стороны, «анализ влияния на философию (или науку) материальных условий жизни больших социальных групп людей, классов», а с другой — «учет специфических особенностей философии как формы общественного сознания»⁵¹. В работе «К проблеме метода истории философии» (1965) он пишет:

Исторические образования мысли предстают перед нами... не только как определенное логическое содержание, но и как социальный феномен, запечатлевают существующее в обществе разделение труда, условия существования и особый образ жизни людей, занятых духовной деятельностью, социальные условия производства идей, способы их распространения и использования и т. д.⁵²

Речь идет уже не о прямой (хоть и опосредованной) связи, не о том, что «марксистская философия служит решению социально-политических задач социалистического строительства и революционного движения рабочего класса»⁵³, но что «источником [научного] развития... является скрытое массой посредующих звеньев воздействие системы общественных потребностей и отношений»⁵⁴. Мамардашвили разделяет в этот период основные посылки исторического материализма как социальной эпистемологии (теории «отражения»⁵⁵). Необходимость «обнаруживать при „сведении“ нечто специфическое в предполагаемой внешней основе

51. Мамардашвили М. К. Некоторые вопросы исследования истории философии как истории познания. С. 69, 71.

52. Он же. К проблеме метода истории философии. С. 95.

53. Философия и политика. С. 11.

54. Он же. Некоторые вопросы исследования истории философии как истории познания. С. 68.

55. Там же. С. 70. См. также критику теории «отражения» в: Бурдьё П. Поле литературы // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2014. С. 386–389.

философских явлений»⁵⁶, постулируемая им в качестве методологического принципа, имеет скорее стратегическое значение (размежевание с «вульгаризацией»), нежели практическое: в «Интеллектуальности в современном обществе» (1968) и в «Классической и современной буржуазной философии» (1970) Мамардашвили использует в социальном анализе исключительно общие понятия («эпоха», «классический капитализм свободной конкуренции» / «государственно-монополистический капитализм», «индустрия сознания», «интеллигенция» и т. д.).

3. Если «политическое» почти снимается в «социальном», то следующий сдвиг, к «логическому» — это перенос центра тяжести, смещение интереса, движение от общих мест и привычных ходов к новаторству. Это смещение проявляется не со временем, а в публикациях определенного типа: наиболее важные в карьерном отношении тексты (первые статьи, первая монография, диссертации) оказываются и наиболее амбициозными; гегельянство Мамардашвили оригинальнее, чем его марксизм. Однако логика «третьего пути» остается неизменной: «логическое» определяется как «исследование исторически отраженных сторон предмета философии средствами и в понятиях современной философской теории»⁵⁷, а «современная философская теория» — это не «хронологически», а «специфически высшее состояние и тип философского знания», то есть диалектический материализм, который, разумеется, связан с определенной социальной организацией и определенной политикой⁵⁸. Выступая за «единство исторического и логического способов исследования», Мамардашвили больше интересуется «логическим» (и «социальным»). Иначе говоря, его интересует не то, что именно сказал некий философ, а то, что стоит за сказанным. В этом смысле Мамардашвили оказывается более «советским», но именно поэтому более интересным, чем историки философии его поколения.

Итак, не бинарные оппозиции, не «советское» (область вынужденного компромисса) и философское (область «чистого разума» или экзистенциального проекта). Я полагаю, работы Мамардашвили 1958–1970 годов стоит рассматривать как советскую философию, как тематический континуум, в котором реализуется определенный исследовательский подход и выстраивается определенная стратегия. Это не плоскогорье, расчлененное попо-

56. Мамардашвили М. К. Некоторые вопросы исследования истории философии как истории познания. С. 70.

57. Там же. С. 61.

58. Там же. С. 60.

лам глубоким каньоном, это местность с гораздо более сложным рельефом, изрезанным руслами и оврагами.

Анонимные передовицы — это инструмент, который Мамардашвили может использовать благодаря работе в редакции «Вопросов философии» для того, чтобы перехватить практическое определение дисциплины и навязать тип работы, близкий его профессиональной фракции. Эти установочные тексты, из которых советские философы узнают, что и как преподавать, по каким темам защищать диссертации и т. д.⁵⁹, используются одновременно для ритуального выражения лояльности (философия как «служанка идеологии»), артикуляции корпоративного интереса (марксистская философия как «научное мировоззрение» всех советских студентов) и повышения ставок профессиональной игры. Профессионализация совет-

59. В 1947–1960 годах в передовицах регулярно подводятся итоги предшествующей работы и ставятся новые задачи (Наши задачи // Вопросы философии. 1947. № 2. С. 3–27; За творческую разработку вопросов диалектического материализма // Вопросы философии. 1954. № 5. С. 17–19; За творческую разработку вопросов научного атеизма // Вопросы философии. 1960. № 3. С. 4–5), обсуждаются проблемы философского образования (За творческую разработку марксистской философии // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 8–11), подготовки научных кадров (XIX съезд КПСС и вопросы идеологической работы // Вопросы философии. 1952. № 6. С. 16–17) и т. д. Среди основных проблем 1940–1950-х годов: недостаток специализации (особенно естественно-научной компетенции) и интернационализации (Актуальные проблемы исторического материализма // Вопросы философии. 1955. № 5. С. 15; За развитие и укрепление связей между философами разных стран // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 7–8), отсутствие публикаций у научных сотрудников («доктор философских наук без научных работ — явление, к сожалению, пока что нередкое» (Актуальные проблемы исторического материализма // Вопросы философии. 1955. № 5. С. 14)), недостаточно активная пропагандистская и «воспитательная» работа. Критикуются конкретные «ошибки», а иногда и работа редакции: «Редакция допустила серьезную ошибку, опубликовав статью Б. Назарова и О. Гридневой, содержащую неправильные, вредные положения, направленные, по сути, против партийного руководства искусством» (За ленинский принцип партийности в идеологической работе // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 9). Особое место занимает стратегический вопрос о статусе историко-философского знания, инициированный дискуссиями 1947 года (За творческую разработку марксистской философии; Повышать идейно-теоретический уровень исследований по истории философии).

Остается открытым важный вопрос о том, насколько эти постановки проблем, формулировки тем и «заказов» обладали регулятивным эффектом. Я не думаю, что они были формальностью (вроде списков «приоритетных направлений и тем научных исследований», которые должны формулировать сегодня кафедры философских факультетов). Но демонстрация механизмов регуляции остается отдельной задачей.

ской философии не ограничивается «деполитизацией». В некоторых случаях «официоз» становится средством утверждения профессиональных стандартов, как технических (цитирование иностранных источников), так и стратегических («третий путь»). Исследовательские тексты обнаруживают ту же логику. Серия переходов от политического (идеология) к классовому (исторический материализм) и логическому (диалектика), от тривиальных ходов к оригинальным обеспечена постоянно действующим схематизмом. Таким образом, новаторские усилия согласованы с лицензированными в передовицах образцами; относительно автономные и относительно гетерономные способы работы оказываются не совпадающими, но симметричными — как объемная фигура и ее проекция на плоскость.

«Советскость» Мамардашвили — это не столько вынужденное подчинение, сколько тактическая игра, лавирование, искусное использование возможности влиять на правила, тщательная нюансировка смысла. Без сомнений, у него хорошо получалось.

Библиография

- Агафонов С. Позиция Чужого в текстах М. Мамардашвили // Логос. 1994. Т. 9. № 4. С. 14–20.
- Актуальные проблемы исторического материализма // Вопросы философии. 1955. № 5.
- Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александра. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 134–146.
- Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Бикбов А. Парадоксы императивной интернационализации, 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма, 1945–1953 гг. / Под ред. И. Баберовски, А. А. Дроздова. М.: РОССПЭН, 2015. С. 45–57.
- Бурдье П. Поле литературы // Он же. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2014.
- Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003.
- Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Он же. Избр. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Великий триумф советской науки и техники // Вопросы философии. 1961. № 5.
- Великое ленинское философское наследие // Вопросы философии. 1955. № 2.
- Гаспарян Д. Философия сознания Мераба Мамардашвили. М.: Канон+, 2013.
- За ленинский принцип партийности в идеологической работе // Вопросы философии. 1956. № 6.
- За развитие и укрепление связей между философами разных стран // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 7–8.
- За творческую разработку вопросов диалектического материализма // Вопросы философии. 1954. № 5. С. 17–19.
- За творческую разработку вопросов научного атеизма // Вопросы философии. 1960. № 3. С. 4–5.